

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

НЕСУСВЕТНЫЙ
ЭСКАДРОН

ИСТОРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Т77

Миры Далии Трускиновской

Трускиновская, Д.

Т77 Несусветный эскадрон / Д. Трускиновская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 568 с. — (Миры Далии Трускиновской).

ISBN 978-5-521-74179-3

В судьбе каждого народа однажды возникает возможность заглянуть вперед сквозь века. Рождается Дитя-Зеркало, чья жизнь — отражение будущего этого народа. И вот в Курляндии появляется на свет паренек Мач, чья юность приходится на эпоху наполеоновских войн. Он немало натворит, но встретит верных друзей — отважного гусара Сергея Орловского, маркитантку Адель, цыгана Ешку. Общими усилиями они исправят печальное и даже трагическое будущее. Помогут им в этом древняя магия и непобедимая любовь...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74179-3

© Далия Трускиновская, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая, о мудрой невесте	5
Глава вторая, о селедочном переполохе	20
Глава третья, о родственнике шаровой молнии	38
Глава четвертая, о которой автор пока что и не подозревает	53
Глава пятая, о красавце-гусаре	69
Глава шестая, об отце-одиночке	86
Глава седьмая, о прекрасных баррикадах	103
Глава восьмая, о неприятностях	121
Глава девятая, о лихой амазонке	143
Глава десятая, о побеге	160
Глава одиннадцатая, о которой автор опять-таки пока не подозревает	177
Глава двенадцатая, о том, как уходят на войну	198
Глава тринадцатая, о вольной песне	221
Глава четырнадцатая, об эскадронном знамени	241
Глава пятнадцатая, о красоте	262
Глава шестнадцатая, о неожиданном спасителе	277
Глава семнадцатая, о подозрительной полковнице	293
Глава восемнадцатая, о перелетном озере	316

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Глава девятнадцатая, о строителях кромлеха	338
Глава двадцатая, о цыганской свечке	355
Глава двадцать первая, о треклятой корзине	372
Глава двадцать вторая, о народной избраннице	388
Глава двадцать третья, о престарелом эрудите	403
Глава двадцать четвертая, о нерожденных детях	422
Глава двадцать пятая, о крови и вольности	440
Глава двадцать шестая, о чести мундира	455
Глава двадцать седьмая, какая-то странная	472
Глава двадцать восьмая, о рождении магии	486
Глава двадцать девятая, об ультразвуковых колебаниях	506
Глава тридцатая, о сражении	525
Глава тридцать первая, о куске хлеба	544
Глава последняя, прощальная	560

ГЛАВА ПЕРВАЯ, О МУДРОЙ НЕВЕСТЕ

Солнце к ночи клонится,
лес колышет ветками,
пастухи с собой в ночное
взяли кокле золотое...

Солнце действительно давно уже скрылось за лесом, но вот ветки деревьев даже не колыхнулись при этом, а что касается золотого кокле — так было у пастухов обычное, деревянное, на котором еще и струн не хватало. Да и кто бы дал им в ночное стоящую вещь? Родители позволили взять чего попроще: старые наплечные цветные накидки-виллайне со свалявшейся бахромой, что ткнут из шерсти, и серые накидки-снатене, на которые идет лен. Да еще строго наказали: не стелить слишком близко к костру. Впрочем, петь про золотое кокле не возбранялось.

Дай, отец, коня седого
и купи кафтан мне серый,
чтобы я туманным утром
был как сокол на лету...

Отца проси не проси — новый кафтан обещан только к свадьбе. Что касается коня — какого сам вырастишь

из неуклюжего жеребенка, на таком и поедешь за невестой.
Но петь, опять же, не возбраняется!

А соседские ребята
ленятся скакать в ночное —
кони у пустой кормушки
отжевали хвост друг дружке!

Это уже девушки проказничают. Отец ворчит всерьез, если дочка увяжется за парнями в ночное, а мать — если и ругнет, то без особой злости, потому что ночное немало парочек сосватало. Жаль, не у всех до венца дело дошло.

Так что пасутся кони, медленно переступая, выискивая мягкими губами травинку подушистее, и доносится из-за леска озорная песня.

За пшеничным же полем — там, где оставлен паровой клин, — крепнувший мальчишеский голос вывел совсем другое:

Я коня привязывал
у цветущей яблоньки,
и осыпан мой конь
яблоневым цветом...

Тут все и примолкло. Лишь по траве неслышный шелест пробежал — как будто добрый мужичок Усина, покровитель всех крестьянских лошадей и пчел, обходя дозором ночные луга, прокрался поближе — послушать.

Видно, смутила певца эта неожиданная тишина, он собрался с духом и дурашливым голосом жалостливо затянул:

Ах ты, чертов соловей,
что ж так сладко распевал?
Как заслушался я песен —
вороного потерял!..

И стайка молодежи у костра дружно расхохоталась — не столько простенькой песне, сколько актерскому таланту исполнителя.

Так и перелетали песни от костра к костру, и тренькали струны кокле, и вдруг кто-то, взглядевшись в темноту, крикнул:

— Мач! Беги за гнедыми! Уйдут в господские овсы — потом всю жизнь не рассчитаешься!

От костра немедленно поднялся невысокий, ладный, крепко сбитый парень и зашепшил, и растаял в темноте. А на освободившееся место присела в обнимку парочка, только что вернувшаяся с опушки. Очевидно, этих двоих ночное уже сосватало.

Неизвестно, где и как искал гнедых их совсем еще юный хозяин и помог ли ему добрый мужичок Усинь, но некоторое время спустя парень оказался на той же опушке, довольно далеко от костра. С ним была девушка. Они медленно шли к старому, в три обхвата, дубу, и пальцы парня как бы невзначай ловили руку девушки, а она слегка отстранялась, но вовсе этих прикосновений не избегала.

Сто лет назад, когда по Курземе прогулялась чума и многие места подчистую вымерли, было сюда завезено немало крещеных татарских ребятишек — с тем, чтобы, когда вырастут, переженить их с местными жителями. Чего-чего,

а татарской малышни у русского царя было предостаточно — охотно поделился с герцогом Курляндским.

Старухи, подумав, сказали бы точно, какая из прабабок позаботилась о черных тонких бровях этой высокой и тонкой красавицы-правнучки, о нездешнем разрезе карих глаз. Но другая прабабка, пощаженная чумой, завещала девушке длинные темные косы с ореховым отливом, и нежный румянец, и белизну лица. Откуда же у нее, батрачки, взялись совсем господские руки, с овальными ногтями, хоть и грязноватыми, да зато почти не попорченными полевой работой? Откуда научилась она легкой полуулыбке и умному обращению с господами? Этого даже бабки сказать не могли бы. Странные сюрпризы преподносит человеку его собственная кровь, странные...

Рядом с ней — а одень ее в городское платье, и не отличить бы от баронской дочки — ее друг выглядел совсем простым деревенским парнишкой. И не потому, что был он босиком, а она — в аккуратных, хоть и стареньких постолах. Не потому даже, что одет был хуже — и она не блистала нарядом, а из украшений была на ней лишь крошечная круглая сакта, скреплявшая ворот рубашки. А просто таким он уродился: невысоким, крепеньким, с лицом, на первый взгляд, может, и простоватым, но лишь на первый...

Под дубом девушка остановилась, запрокинула голову, глядя в высокую многоярусную крону, и вдруг подкинула ввысь свой ромашковый привядший веночек. Веночек, не застряв в ветвях, шлепнулся на траву, парень поднял его и вернул подруге.

— Янова ночь давно прошла, — сказал он. — Что же теперь-то гадать? Все одно у тебя получилось: не выйдешь

ты замуж в этом году. И тем лучше — приданое у тебя все равно еще не готово, ни одеяла не сотканы, ни варежки не связаны. Знаешь что?.. Брось-ка еще!

— А я и не спешу замуж! — гордо ответила она, вовсе не удивившись неожиданному предложению. — Зачем же еще кидать?

— Чтобы в будущем году сбылось.

— Нет, не стану. Да и не за кого мне тут выходить.

При этом она покосилась на парня — загадочно, с прищуром, да еще сверху вниз.

— Иди за меня, Кача, раз никого получше нет, — очень просто сказал тот. — Мы хорошо заживем, вот увидишь. Мать тебя полюбит. Наряжать тебя буду... И Бог с тем приданым! Обойдутся наши поезжане без варежек!

— Без варежек нельзя, люди засмеют! — торопливо ответила Кача и вдруг сообразила, о чем это она толкует. Смутилась девушка и метнулась было прочь, но парень загородил ей дорогу, да еще и за плечи удержал. А руки у него были каменные, не по росту и по годам крепкие руки. Так и остались они стоять, потупившись, а издали совершенно некстати залетела песня — кто-то весело требовал, чтобы спящая невеста проснулась, обулась и прибежала к нему, к жениху, в ночное. Вместе с песней прилетел от костра горьковатый дымок.

— Не пойду я за тебя, — сказала Кача, — сам знаешь, что не пойду. Какой ты мне жених? Третий отцовский сын! Дождись сперва, пока старшие братья удачно женятся.

Но на самом деле она имела в виду совсем другое: ты сперва объясни своей сердитой матушке, почему решил на мне жениться! А если она на радостях не открутит тебе,

глупому, ухо или не треснет по спине вилами, тогда и говори про сватовство...

— Мои умные братья и впрямь удачно женятся, — усмехнулся парень. — Говорят, на днях хромая мельничиха Дарта, что троих мужей схоронила, по четвертому поминки справила.

— Врешь!.. — так и ахнула Кача.

— Правда, левый глаз у прекрасной мельничихи смотрит вправо и вверх, а правый — влево и вниз, да денежки она за версту видит, не ошибется и на кривых своих ножках до них быстрее жеребца добежит, — продолжал третий отцовский сын, не больно заботясь о правдоподобии и не отменяя упрека во вранье. — Да еще поговаривают, что у прекрасной мельничихи две внучки на выданье, но только я не верю. Дарте лет пятьдесят, не больше, откуда ж тут взрослым внукам взяться? Она еще красотка в самой поре, да и мельнице не пропадать же без хозяина! Вот я и боюсь, как бы мои умные братцы из-за этой ненаглядной Дарты не передрались...

— И правду говорят, что третий сын у отца часто неудачным получается! — рассердилась девушка. — Зубоскалишь, зубоскалишь, а что толку? Твои братья, хотя и попроще тебя, почтенными людьми станут... И женятся, между прочим, удачно, им любая мать дочку отдаст! А про тебя так до смерти и будут говорить: этот шальной Мачатынь! Какой Мачатынь? А тот самый, что со всеми бродячими собаками целуется, тот, за кого ни одна девушка, ни одна вдова не пошла, потому что он до седых волос воробьев в кармане носит! Вот уж действительно — велика честь пойти замуж за шалолая...